

11.03.2016, 18:50 Челябинская область

свой опыт

Приезд Путина

*Олеся Романова — жена левого активиста из Челябинской области Андрея Романова. Их семья вынуждена была уехать в Финляндию, когда на ее мужа завели дело за «экстремистские призывы». Теперь уже **завели** новое дело на нее — якобы, за неуплату налогов. Олеся Романова вспоминает для ОВД-Инфо один из эпизодов своей жизни в России.*

ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

ПОДПИСАТЬСЯ

Сейчас, когда все позади, события не кажутся столь ужасными и пугающими, но тогда. Когда мы только-только вступили на путь отстаивания прав (своих, рабочих, обманутых акционеров) со стороны милиции был шквал произвола. Город наш градообразующий, столица черной металлургии, но периферия, моногород. Власть фактически в одних руках и все структуры местного самоуправления фактически играют под дудку одного — хозяина Магнитогорского металлургического комбината Виктора Рашникова.

Хочу рассказать об одном ярком событии. В 2009 году летом на ОАО «ММК» с дружественным визитом (на деле — очередной распил государственной собственности) приезжал сам Пу. Естественно, что все правоохранительные органы были начеку, и смотрели в оба. Моего мужа, еще работающего на ММК (его смогут уволить оттуда только через полгода), послали на курсы повышения квалификации, так как из-за посменной работы его выходной совпадал с приездом главного человека.

Я на тот момент уже была без работы, так как сотрудники ФСБ шантажом заставили работодателя уволить меня. В этот день обманутые акционеры решили попытаться счастья, в очередной раз привлечь к себе внимание главных лиц и провести хотя бы одиночные пикеты на площади перед административным зданием заводоуправления ОАО «ММК». Я решила внести посильную лепту и привезти председателя Комитета обманутых акционеров ОАО «ММК» Сергея Алексеевича Васильева к этой площади. Рано утром на своей машине я отвезла мужа в учебный центр, потом заехала за Васильевым.

И вот, начиная от дома, я замечаю за своей машиной слежку. Ее проводили на трех машинах, постоянно меняя их, где-то опережая меня. Заводоуправление ММК, как

и весь ММК, находится на левом берегу реки Урал, в Азии. А жилой город располагается на правом ее берегу, в Европе. Пока мы ехали, все время меня вели. При таком раскладе я побоялась подъезжать близко к площади заводоуправления, к тому же Сергей Алексеевич решил навестить друга, работающего рядом, но не на территории ОАО «ММК». Мы подъехали к этому зданию, возле которого была расположена стоянка, где я и припарковалась.

Пока я ждала Сергея Алексеевича, на стоянку въехало две машины ППС и легковой автомобиль с сотрудниками районной милиции и промышленной милиции ОАО «ММК» (ММК имеет свой отдельный правоохранительный орган, чтобы иметь возможность сажать в тюрьму рабочих за пронос болта, тогда как частое исчезновение вагонов с металлом — не их компетенция). Из машин вышла толпа людей в форме и в штатском. Два человека в штатском, один из которых был старший оперуполномоченный Центра по борьбе с экстремизмом ГУВД Ягодин Василий Анатольевич (который и вел все это действие), другой — сотрудник промышленной милиции ММК. Мне они сказали, что, мол, поступил анонимный звонок, что моя машина признана подозрительной. На мои попытки умничать — по каким критериям именно моя машина из многих машин на стоянке признана подозрительной и почему верят анонимным звонкам, мне сказали, что за сопротивление представителям власти будет еще хуже.

И начали настаивать на немедленном досмотре машины. При этом одна из машин ППС полностью заблокировала мне проезд. Мне было сказано, что, если я позволю себе сопротивление власти, меня сейчас же конвоируют, а машину отбуксируют в милицию. Тут, надо сказать, им крупно повезло, а я по забывчивости допустила оплошность. Накануне, за неделю до вышеуказанных событий, мой муж хотел провести пикет против полицейского произвола. В разрешении на проведение

было отказано, но были сделаны плакаты, которые я и забыла в машине и так их и возила (эти плакаты так бы и не увидели свет, но в ходе полицейского произвола менты их и прочитали).

Произведя поверхностный досмотр салона и досмотр багажника, они вытащили из машины эти плакаты (всего-то две штуки), и мне было радостно предъявлено: ага, вы попались. Тут же был составлен протокол с изъятием этих плакатов. Тут как раз подошел Васильев, и действие продолжилось. Нам сказали, что мы конвоируемся на территорию промышленной милиции, где будем опрошены. Но, если я буду паинькой, то доеду туда на своей машине, а не в машине ППС. Один из сотрудников милиции сел ко мне в машину, Васильев — в машину ППС, и под конвоем милицейских машин мы поехали на территорию промышленной милиции ОАО «ММК». Там списали наши данные, у нас забрали паспорта, а мы по очереди были допрошены сотрудником промышленной милиции — женщины, не помню ее имени. Она пыталась меня два часа: что я делала на этой стоянке, что это за плакаты, какое там содержание и почему мне не сидится дома, мол, борьба за права — это сотрясение воздуха (не для протокола). Составив наконец-то протокол задержания, мне дали его подписать и сказали, что сейчас будет произведен обыск автомашины.

Нас с Васильевым вывели во двор, на солнцепек. Сергей Алексеевич — старый человек, ему тяжело было терпеть этот спектакль, он выпил таблетки от сердца и вызвал «скорую помощь». Пока он ждал приезда врачей на лавочке (сами понимаете, что оснований для его задержания не было вовсе), пригласили двух понятых, в присутствии еще двух полицейских, женщины, что допрашивала меня, и господина Ягодина сначала произвели обыск моей сумки, перерыв там все, потом начали тщательный осмотр моей машинки. Перетрясли все — и коврики в салоне, и запаску в багажнике. Было

ощущение, что они, как Бендер, с удовольствием вскрыли бы ножом обивку сидений, так, бедненькие, от скуки вошли в раж, но чудом удержались.

Ничего не найдя, они составили протокол о досмотре, который я подписала. По своей еще неопытности и детской наивности, я полагала, что мои мучения на этом закончатся. Я забыла сотовый телефон дома, и ребенка пора было забирать из садика. Это сейчас я могу вспоминать с иронией и легким наплывом юмора, но тогда я сильно нервничала, можно сказать, паниковала, этот стресс еще будет со мной три последующих дня. Я спросила Ягодина, когда мне отдадут паспорт и я смогу ехать домой, на что услышала, что отпускать меня не собираются, паспорт не отдадут, и вообще он желает со мной еще побеседовать. Фактически я была у них в заложниках.

Меня опять повели в кабинет, но в другой. Добрый полицейский предложил мне чашку чая. И начали пытаться по одному административному делу, которое было то ли месяц назад, то ли еще раньше. Из пустого в порожнее, по сто раз одно и то же, мне еще целых три часа выносили мозг, то угрожали и запугивали, то играли в добрых дядюшек. Уже основательно стемнело, все давным-давно разошлись, и только мы с Ягодиным обсуждали дела минувших дней. Я морально и физически устала, когда наконец-то меня изволили отпустить. Домой я приехала уже ближе к девяти вечера. Впоследствии я писала жалобы на действия сотрудников правоохранительных органов, на что мне отвечали, что все в рамках закона, приравнивая меня к особо опасным преступникам. Полицейский произвол в глубинках еще более масштабен, чем в столице. Ты один на один с этой машиной, и когда попадаешь в ловушку, то остро это ощущаешь. Я ехала и радовалась, что мне не подкинули наркотики или

не придумали еще чего-нибудь. Слава богу день приезда
Путина закончился.

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные
пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о
политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ

Ещё почитать

25.02.2026 Челябинская область

Фольклористу из Ханты-Мансийска заменили
реальный срок по делу о донатах ФБК на
условный